

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 159.9.075

DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-123-148

СЕМЕЙНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ПРЕДИКТОР СЕМЕЙНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

С. В. Мерзлякова¹, Е. П. Каюмова²

*Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,
Астрахань, Россия.*

E-mail: ¹svetym@yandex.ru; ²katty-695@mail.ru

Аннотация. Введение. Доступное и противоречивое интернет-пространство создает угрозы и риски традиционным семейным ценностям, способствует возникновению межпоколенческих проблем, формированию искажений в брачно-семейных представлениях молодежи в условиях цифровой социализации. Актуальность исследования проблемы детерминации семейного самоопределения усиливается тем, что современные студенты ориентированы на карьерный рост, статусную работу, личное развитие, достижение материального достатка, мобильность, и связанного с этим снижением значимости института семьи и брака, деторождения.

Цель исследования – выявить особенности семейного самоопределения студентов в зависимости от уровня семейной адаптации (ригидный, структурированный, гибкий и хаотичный) в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации.

Методология, методы и методики. Теоретико-методологической основой исследования выступили культурно-историческая теория развития психики Л. С. Выготского; концепция экологических систем У. Bronfenbrenner, дополненная техносистемой G. Johnson, K. Puplampu; социально-когнитивная концепция цифровой социализации Г. У. Солдатовой, А. Е. Войскунского; «циркулярная модель» D. H. Olson, D. H. Sprenkle, C. S. Russell. В исследовании приняли участие 312 студентов в возрасте от 17 до 25 лет, родившиеся после 1995 года и относящиеся к цифровому поколению. Для достижения поставленной цели использовались методы теоретического анализа, психодиагностический метод и математико-статистические методы обработки данных.

Результаты. Проведенное исследование показало, что характер ролевой структуры родительской семьи (адаптация) является фактором мезоуровня, детерминирующим процесс семейного самоопределения студентов цифрового поколения. Установлено, что в родительских семьях преобладает хаотический тип семейной адаптации, при котором у студентов формируются ценности родительской семьи, значимость мамы и отца, эмоционально-положительное отношение к собственной семье, способность управлять своей жизнью. При этом наблюдаются также и негативные тенденции, которые проявляются в том, что у студентов формируются завышенные требования к брачному партнеру в хозяйственно-бытовой сфере, снижается доступность активной деятельности жизни. Студенты с ригидным уровнем адаптации отличаются от своих сверстников более низкой значимостью роли Я – сын/дочь, ценностей брачно-семейных отношений, смысло-

жизненных ориентаций, неуверенностью в себе. Для студентов со структурным уровнем семейной адаптации характерно менее положительное отношение к себе и отцу по сравнению с другими респондентами. Гибкий уровень семейной адаптации является оптимальным и способствует развитию важности сыновней или дочерней роли, целеустремленности, осмысленности жизни, эмоционально-положительного отношения к главенству и ответственности в семье, уверенности в себе, внутреннего локуса контроля.

Научная новизна исследования заключается в установлении связи семейной адаптации и содержательных характеристик семейного самоопределения у студентов в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации.

Практическая значимость. Прикладной аспект исследуемой проблемы семейного самоопределения студентов в зависимости от уровня семейной адаптации может быть реализован в рамках деятельности психологической службы вуза при оказании помощи в области добрачного и семейного консультирования для разрешения межпоколенческих проблем, предотвращения возникновения дисфункционального брака в будущем.

Ключевые слова: семейное самоопределение, семейная адаптация, цифровая социализация, студенты цифрового поколения.

Благодарности. Авторы выражают благодарность анонимным рецензентам и редакторам за помощь в подготовке статьи.

Для цитирования: Мерзлякова С. В., Каюмова Е. П. Семейная адаптация как предиктор семейного самоопределения студентов цифрового поколения // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 3. С. 123–148. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-123-148

FAMILY ADAPTATION AS A PREDICTOR OF FAMILY SELF-DETERMINATION OF DIGITAL GENERATION STUDENTS

S. V. Merzlyakova ¹, E. P. Kayumova ²

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia.

E-mail: ¹svetym@yandex.ru; ²katty-695@mail.ru

Abstract. Introduction. An accessible and contradictory Internet space creates threats and risks to traditional family values, contributes to the emergence of intergenerational problems, the formation of distortions in the marriage and family conception of young people in the context of digital socialisation. The relevance of the research problem associated with understanding the reasons for family self-determination is intensified by the fact that modern students are focused on career growth, status work, personal development, achievement of material prosperity, mobility, and the associated decrease in the importance of family and marriage institution, childbearing.

Aim. The aim of the study is to detect the features of students' family self-determination depending on the level of family adaptation (rigid, structured, flexible and chaotic) in the context of interaction of traditional and digital socialisation.

Methodology and research methods. The theoretical and methodological basis of the study is the cultural-historical theory of cognitive development by L. S. Vygotsky; the ecological systems theory by U. Bronfenbrenner, supplemented by the techno-subsystem of G. Johnson, K. Pupilampu; socio-cognitive concept of digital socialisation by G. U. Soldatova, A. E. Voiskounsky; "circumplex model" by D. H. Olson. The study involved 312 students aged between 17 and 25, born after 1995 and belonging to digital generation. To achieve the goal, the following methods were used: theoretical analysis, psychodiagnostic method and mathematical-statistical methods of data processing.

Results. The present study demonstrated that the nature of the role structure of parental family (adaptation) is a meso-level factor, which determines the process of family self-determination of digital

generation students. It has been established that the chaotic type of family adaptation prevails in parental families, in which students form the value of the parental family, the importance of mother and father, an emotionally positive attitude towards their own family and the ability to manage their lives. At the same time, there are also negative trends, which are manifested in the fact that students form excessive demands on a marriage partner in the household sphere, and the availability of an active life decreases. Students with a rigid level of adaptation differ from their peers in the lower significance of the role "As a son/daughter", the values of marriage and family relations, life-meaning orientations, and self-doubt. Students with a structural level of family adaptation are characterised by a less positive attitude towards themselves and their father compared to other respondents. A flexible level of family adaptation is optimal and contributes to the development of the importance of filial or affiliated roles, purposefulness, meaningfulness of life, an emotionally positive attitude to the headship and responsibility in the family, self-confidence, internal locus of control.

Scientific novelty of the research lies in the establishment of the connection between family adaptation and the content characteristics of students' family self-determination under the conditions of interaction of traditional and digital socialisation.

Practical significance. The applied aspect of the investigated problem of students' family self-determination depending on the level of family adaptation can be implemented within the activities of psychological services of the university in providing assistance in the field of premarital and family counselling to resolve intergenerational problems, prevent the emergence of dysfunctional marriage in the future.

Keywords: family self-determination, family adaptation, digital socialisation, digital generation students.

Acknowledgements. The authors express gratitude to the anonymous reviewers and editors for their assistance in preparing the article.

For citation: Merzlyakova S. V., Kayumova E. P. Family adaptation as a predictor of family self-determination of digital generation students. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2024; 26 (3): 123–148. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-123-148

LA ADAPTACIÓN FAMILIAR COMO PREDICTOR DE LA AUTODETERMINACIÓN FAMILIAR DE LOS ESTUDIANTES DE LA GENERACIÓN DIGITAL.

S. V. Merzliáková¹, E. P. Kayúmová²

Universidad Estatal de Astracán V. N. Tatishchev,
Astracán, Rusia.

E-mail: ¹svetym@yandex.ru; ²katty-695@mail.ru

Abstracto. Introducción. El espacio accesible y contradictorio de internet crea amenazas y riesgos a los valores familiares tradicionales, contribuye al surgimiento de problemas intergeneracionales y a la formación de distorsiones en las ideas matrimoniales y familiares de los jóvenes en el contexto de la socialización digital. La relevancia de estudiar el problema de precisar el sentido de la autodeterminación familiar se ve reforzada por el hecho de que los estudiantes modernos se centran en el crecimiento profesional, el estatus laboral, el desarrollo personal, el logro de riqueza material, la movilidad y la consiguiente disminución de la importancia de la institución familiar, el matrimonio y el tener hijos.

Objetivo. El propósito de la investigación es identificar las características de la autodeterminación familiar de los estudiantes en función del nivel de adaptación familiar (rígida, estructurada, flexible y caótica) en el contexto de la interacción de la socialización tradicional y digital.

Методология, методы и процессы исследования. La base teórica y metodológica del estudio la componen la teoría cultural e histórica del desarrollo mental de L. S. Vygotsky, el concepto de sistemas ecológicos de U. Bronfenbrenner, complementado por el tecnosistema de G. Johnson y K. Pimplampu, el concepto sociocognitivo de socialización digital de G. U. Soldátova y A. E. Voiskunsky, el “modelo circular” D. H. Olson, D. H. Sprenkle y C. S. Russell. En el estudio participaron 312 estudiantes en edades entre los 17 y 25 años, nacidos después de 1995 y pertenecientes a la generación digital. Para lograr este objetivo se utilizaron métodos de análisis teórico, método de psicodiagnóstico y métodos matemáticos y estadísticos de procesamiento de datos.

Resultados. El estudio mostró que la naturaleza de la estructura de roles de la familia nuclear (adaptación) es un factor de nivel meso que determina el proceso de autodeterminación familiar de los estudiantes de la generación digital. Se ha establecido que en las familias nucleares predomina un tipo caótico de adaptación familiar, en la que los estudiantes desarrollan los valores que conforman su familia nuclear, la importancia de la madre y el padre, la actitud emocionalmente positiva hacia su propia familia y la capacidad de gestionar sus vidas. Al mismo tiempo, también se observan tendencias negativas, manifestadas en el hecho de que los estudiantes recrean exigencias demasiado grandes orientadas a su cónyuge en el ámbito doméstico y la posibilidad de tener una vida activa disminuye ostensiblemente. Los estudiantes con un nivel rígido de adaptación se diferencian de sus compañeros por la menor importancia del rol de hijo o hija, de los valores de las relaciones matrimoniales, de las orientaciones del sentido de la vida y de la inseguridad personal. Para los estudiantes con un nivel estructural de adaptación familiar, es característico una actitud menos positiva hacia ellos mismos y hacia su padre en comparación con el resto de encuestados. Un nivel flexible de adaptación familiar es óptimo y contribuye al desarrollo de la importancia del rol filial, de la determinación, del significado de la vida, de la actitud emocionalmente positiva hacia el liderazgo y de la responsabilidad en la familia, de la autoconfianza y del centro de control ulterior.

Novedad científica. La novedad científica del estudio se basa en el establecimiento de una conexión entre la adaptación familiar y las características sustantivas de la autodeterminación familiar entre los estudiantes en el contexto de la interacción de la socialización tradicional y digital.

Significado práctico. El aspecto aplicado de la cuestión estudiada de la autodeterminación familiar de los estudiantes, dependiendo del nivel de adaptación familiar, se puede implementar en el marco de las actividades del servicio psicológico de la universidad en cuanto a la prestación de asistencia en el campo del asesoramiento prematrimonial y familiar a fin de ofrecer respuestas resolutivas a los problemas intergeneracionales y prevenir la aparición de matrimonios disfuncionales en el futuro.

Palabras claves: autodeterminación familiar, adaptación familiar, socialización digital, estudiantes de la generación digital.

Agradecimientos. Los autores expresan sus sinceros agradecimientos a los revisores y editores anónimos por su ayuda en la preparación del artículo.

Para citas: Merzliáкова S. V., Kayúмова E. P. La adaptación familiar como predictor de la autodeterminación familiar de los estudiantes de la generación digital. *Образование и наука = Educación y Ciencia*. 2024; 26 (3): 123–148. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-123-148

Введение

Трансформация института семьи и брака, обусловленная влиянием социально-экономических и мировоззренческих факторов постмодернистской культуры, является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем в публичном пространстве и мировой науке. В частности, индийский исследователь R. Vundamati отмечает, что специфические черты постмодернизма, утверждающие социальное разнообразие в информационном обществе, привели к радикальным изменениям традиционной концепции брака и семьи

как модели гетеросексуальных отношений с их естественной репродуктивной способностью [1].

Цель исследования – выявить особенности семейного самоопределения студентов в зависимости от уровня семейной адаптации (ригидный, структурированный, гибкий и хаотичный) в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации.

Данная статья носит исследовательский характер и направлена на решение вопроса о том, как влияют особенности семейного контекста, отражаемые в уровне семейной адаптации, на формирование семейного самоопределения студентов в условиях цифровой социализации?

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что уровень семейной адаптации родительской семьи обуславливает семейное самоопределение студенческой молодежи.

Задачи исследования:

1. Для определения влияния предиктора семейная адаптация на содержательные характеристики семейного самоопределения студентов цифрового поколения построить регрессионную зависимость между указанными параметрами.

2. Провести сравнительный анализ значимости показателей семейного самоопределения студенческой молодежи в зависимости от уровня семейной адаптации.

Ограничением исследования является отсутствие эмпирических данных об особенностях семейного самоопределения в зависимости от уровня семейной адаптации родительской семьи у представителей «поколения Y» (рожденные в период с 1981 г. по 1995 г.) и «поколения X» (рожденные в период с 1965 г. по 1979 г.), которое не позволяет провести сравнительный анализ возрастных когорт и выделить специфику рассматриваемой связи для «поколения Z» (родившиеся после 1995 г.).

Обзор литературы

Результаты исследований влияния образования на брачно-семейное и демографическое поведение молодежи носят противоречивый характер. D. Bloome и S. Ang [2] считают, что в США среди граждан без высшего образования наблюдается тенденция к снижению брачных союзов. Рост уровня образования и трудовой занятости привели к тому, что люди вступают в брак в более позднем возрасте. Как в России (Ю. Р. Вишневский, М. В. Ячменева [3]), так и в странах Западной Европы (М. Djundeva, P. A. Dykstra, T. Emery [4]) повышение уровня образования и расширение возможностей трудоустройства для женщин сопровождаются более поздним возрастом вступления в брак и отложенным родительством. Исследователи Wei-Jun Jean Yeung, Shu Hu [5] выдвинули гипотезу о том, что образованные китайцы благодаря более высокому уровню владения английским языком и использованию Интернета с большей вероятностью будут подвержены вестернизации и западным ценностям в от-

ношении брака и семейной жизни. Результаты исследования частично подтверждают выдвинутое предположение и демонстрируют, что уровень образования положительно связан с одобрением добрачного секса, сожительства и однополых браков. Исследователи прогнозируют, что высокообразованные женщины могут отказаться от вступления в брак и будут стремиться к самореализации в альтернативных сферах жизнедеятельности. Jia Yu выявил отрицательную связь между образованием родителей и количеством детей в семье [6]. Получение высшего образования приведет к снижению коэффициента рождаемости в Китае. В связи с этим особенности семейного самоопределения студенческой молодежи как особой социальной группы становится одним из актуальных объектов исследования в психологии.

В результате цифровых трансформаций в социально-историческом образе жизни современного человека, который является источником развития личности, произошли кардинальные изменения: высокая оснащенность и непрерывное взаимодействие с цифровыми устройствами (смартфоны, смарт-часы, планшеты, компьютеры, ридеры и т. д.), постоянно подключенными к Интернету, существование в совмещенной онлайн/офлайн реальности, цифровая социальность и т. д. В социальной системе цифрового общества процесс становления личности затруднен без цифровой социализации, которая дополняет традиционную социализацию и офлайн-повседневность. В научный дискурс термин «цифровая социализация» введен Г. У. Солдатовой и рассматривается как «опосредованный всеми доступными цифровыми технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности и формирующего его цифровую личность как часть реальной личности» [7, с. 76]. С опорой на культурно-историческую теорию развития психики, разработанную Л. С. Выготским и его последователями, Г. У. Солдатовой и А. Е. Войскунским разработана социально-когнитивная концепция цифровой социализации [8]. Ключевыми характеристиками цифровой социализации являются цифровая социальность и смешанная реальность.

Ряд авторов (Г. У. Солдатова и А. Е. Войскунский [8], Е. И. Рассказова [9], О. В. Рубцова [10],) рассматривают электронные устройства и цифровые платформы как орудия культурного опосредствования психических функций, новых видов деятельности и социального взаимодействия, социокультурных практик «подключенного» индивида. Например, учитывая диалектический характер культурно-исторической теории Л. С. Выготского, О. В. Рубцова интерпретирует цифровые технологии как специфические средства опосредования, сочетающие в себе орудийные (передача информации с помощью электронной почты и т. п.) и знаковые (киберкоммуникация в социальных сетях) компоненты, которые не противопоставлены, а взаимосвязаны друг с другом [10]. G. Johnson, K. Puplampu [11] предложили расширить концепцию экологических систем U. Bronfenbrenner [12] и дополнить основные системы (микро-, мезо-, экзо-, макросистемы) развития личности техносистемой, которая включает в

себя кроме смартфонов, компьютеров, социальных сетей, мессенджеров, облачных хранилищ, электронных книг, видеоигр, программ искусственного интеллекта и др., также способы работы с ними. Таким образом, техносистема, являясь важнейшим агентом цифровой социализации, начинает конкурировать с семьей и учебно-воспитательными учреждениями.

Отметим, что в жизни молодежи цифрового поколения средства массовой информации занимают центральное место и могут выполнять функцию секс-педагогов. Т. М. Scul с коллегами [13] справедливо утверждают, что СМИ, являясь агентами сексуальной социализации молодежи, редко моделируют здоровое поведение и коммуникацию в области репродуктивного здоровья. Средства массовой информации часто нормализуют, а порой даже приукрашивают рискованное сексуальное поведение и нездоровые отношения. Сексуальный контент в фильмах часто лишен использования средств защиты и контрацепции. Порнографические видеоролики содержат очень высокий уровень физической и вербальной агрессии, обычно проявляемой мужчинами по отношению к женщинам. Воздействие сексуального контента также связано с виктимизацией и совершением сексуального насилия, меньшей готовностью вмешиваться в качестве стороннего наблюдателя. Воздействие СМИ откровенного сексуального содержания оказывает значительное влияние на сексуальные установки и поведение молодежи.

Устранить потенциально негативное влияние нездоровых сообщений сексуального характера в СМИ позволяет образование в области медиаграмотности. G. U. Soldatova, S. V. Chigarkova и S. N. Ilyukhina определяют медиаграмотность как способность получать доступ, анализировать, оценивать, создавать и действовать, используя все формы коммуникации [13]. Образование в области медиаграмотности учит учащихся тому, что сообщения средств массовой информации сконструированы с определенными целями, и наделяет учащихся навыками активного и критического осмысления этих сообщений. Образование в области медиаграмотности является основой для критического анализа и деконструкции сообщений СМИ, причем основное внимание уделяется оценке точности и реалистичности сообщений, выявлению предвзятостей и недостающей информации в сообщениях, а также доступу к точной медицинской информации о состоянии здоровья. Например, Media Aware – это комплексная веб-программа по сексуальному здоровью для старшеклассников, использующая подход к обучению медиаграмотности, состоящая из четырех уроков, которые могут уместиться в четыре урока по 45 минут. Программа охватывает такие темы, как гендерно-ролевые стереотипы, здоровые и нездоровые романтические отношения, насилие на свиданиях и оскорбительные отношения, сексуальное насилие, передача инфекций, передающихся половым путем, профилактика, тестирование и лечение, предотвращение беременности, методы контрацепции, эффективная коммуникация в области сексуального здоровья и принятие обоснованных сексуальных решений. Эта комплексная образовательная программа в области сексуального здоровья разработана

таким образом, чтобы она подходила для развития учащихся старших классов и сочетала образование в области медиаграмотности с точной медицинской информацией о сексуальном здоровье. В дополнение к видеороликам и анимированным слайдам учащиеся взаимодействуют с контентом посредством викторин и симуляций, которые позволяют применять на практике знания и навыки, преподаваемые в программе.

В современной науке одной из наиболее актуальных и обсуждаемых тем является цифровой разрыв и взаимодействие между поколениями детей и родителей, приводящий к снижению универсальности фигуры взрослого и его роли в детско-родительских отношениях [7; 14].

Одним из важнейших результатов традиционной и цифровой социализации является идентичность. О. В. Рубцова [15] отмечает, что в виртуальной коммуникативной ситуации у человека появляется возможность самостоятельно конструировать собственную киберидентичность, которая оказывает влияние на реальную идентичность пользователей. В результате сравнительного анализа особенностей идентичности и ее структуры у подростков и родителей в онлайн и офлайн мирах Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина [14] установили, что образы «Я – реальное» и «Я – виртуальное» не противостоят, а дополняют друг друга и активно взаимодействуют. У родителей семейная идентичность является ведущей в офлайне и онлайн. Семейная принадлежность у подростков значительно меньше выражена в онлайн по сравнению с миром офлайн. Установленный факт дает основание исследователям предположить, что для подростков цифровая среда становится пространством сепарации от значимых взрослых, в том числе от родителей [14].

L. Cui и Z. Li использовали циркулярную модель Д. Олсона с целью изучения влияния родительской семьи на просоциальное поведение молодежи в Интернете [16]. Отмечается, что характер эмоциональной связи между родителями и детьми, гибкость управления семейной системой оказывают значительное влияние на онлайн-просоциальное поведение в подростковом и юношеском возрасте. Эмоциональная теплота, одобрение и принятие родителей способствует развитию у детей эмпатии, уровня социальной поддержки, которые позволяют им реализовать онлайн-просоциальное поведение.

Семья, тип семейного воспитания, характер детско-родительских отношений обеспечивают условия для формирования идентичности личности, в частности семейного самоопределения. D. Bloome и S. Ang [2] рассмотрели вопрос о том, в какой степени брачно-семейное поведение молодежи отражает родительские социально-экономические ресурсы (родительский доход, богатство, включающее такие параметры, как собственный капитал и стоимость дома, образование и профессиональный престиж) в детстве. Молодые люди из неблагополучных социально-экономических слоев, особенно среди чернокожих людей из семей с низким доходом, гораздо реже вступают в брак, чем их сверстники. Исследователи приходят к заключению, что брак является одним из многих механизмов, способствующим сохранению расового и экономи-

ческого неравенства. P. Stewart, H. Shah, K. Diop изучалось влияние брака на жизнь западноафриканских женщин. Полученные результаты подтверждают сохраняющуюся важность брака в жизни западноафриканских женщин. Установлено, что брак является ключом к женской идентичности и механизмом самоопределения, открывает путь к материнству [17].

Jiashu Xu и Airan Liu акцентируют внимание, что большинство китайских родителей чувствуют ответственность за брак своих детей, поэтому являются активными участниками процесса заключения их брака. Неженатый статус взрослых детей может привести к возникновению межпоколенческих проблем, социального давления со стороны родственников, друзей, соседей, порождает психологических стресс у родителей. Наличие неженатого взрослого ребенка после социально ожидаемого возраста вступления в брак связано с более низким показателем счастья для родителей старше 50 лет [18]. В современном китайском обществе сыновняя почтительность играет решающую роль в самопринятии сексуальной ориентации. Результаты исследования F. Liu, Z. Ren и E. S. K. Chong свидетельствуют о том, что авторитаризм родителей и абсолютное повиновение детей способствует формированию семейно-ориентированной идентичности и интернализированной гомонегативности (внутренней гомофобии) [19]. M. Djundeva, P. A. Dykstra и T. Emery [4] отмечают, что межпоколенческие связи в Китае основаны на обязательствах, в то время как в странах Западной Европы основное внимание уделяется качеству отношений.

В исследованиях, проведенных под руководством О. А. Карабановой, доказано, что «в своих представлениях о будущей семье (семейных ценностях, ролевой структуре, эмоциональных связях, будущем партнере) молодые люди ориентируются на представления о паттернах функционирования родительской семьи» [20, с. 43]. Полученные результаты свидетельствуют об актуализации механизма прямой трансляции паттернов функционирования родительской семьи на свою будущую семью. Результаты исследования Н. Л. Москвичевой с коллегами свидетельствуют о том, что степень близости с родительской семьей обуславливает потребность в создании собственной семьи у современной молодежи. Тогда как установки в распределении власти и обязанностей в будущей семье находятся под влиянием социально-культурных изменений в обществе [21].

Таким образом, преимущественный интерес исследователей из России (Ю. Р. Вишневский, М. В. Ячменева [3]; О. А. Карабанова, О. В. Трофимова [20] Н. Л. Москвичева с коллегами [21] и др.), Китая (Jiashu Xu, Airan Liu [18], M. Djundeva, P. A. Dykstra, T. Emery [4]), Индии (R. Vundamati [1]), Западной Африки (P. Stewart, H. Shah, K. Diop [17]), США (A. Biglan et al. [22]; S. R. Shamblen et al. [23]) касается поиска методологических и методических решений, реализуемых для сохранения и воспитания традиционных семейных ценностей. Однако следует отметить, что фокус внимания исследователей из США смещается на изучение проблем однополых браков, ЛГБТ-идентичности, гендерной инклюзивности и разнообразия. В США комплексное сексуальное образование

в дошкольных учреждениях и в младших классах реализуется для разрушения стереотипных предубеждений, связанных с полом и сексуальной ориентацией. Так, E. S. Goldfarb, L. D. Lieberman [24] отмечают, что младший школьный возраст может быть лучшим временем для знакомства с темами, связанными с сексуальной ориентацией, гендерной идентичностью и самовыражением, гендерным равенством и социальной справедливостью, связанными с сообществом ЛГБТ, прежде чем гетеронормативные ценности станут более глубоко укоренившимися и менее изменчивыми.

В проведенных нами ранее исследованиях установлено, что тип структуры родительской семьи, уровень семейной сплоченности, характер детско-родительских отношений определяют особенности и тип семейного самоопределения юношей и девушек [25]. Однако проблема соотношения уровня семейной адаптации (ригидный, структурированный, гибкий и хаотичный) и семейного самоопределения студентов цифрового поколения до сих пор не изучалась. Представленное исследование направлено на восполнение этого пробела.

В результате обобщения многочисленных концепций семейного поведения, с целью диагностики сплоченности семейной системы D. H. Olson, D. H. Sprenkle, C. S. Russell [26] разработали циркулярную модель, которая включает два важных параметра: сплоченность и адаптация. Семейная сплоченность отражает степень эмоциональной близости между членами семьи от разобщенности, дистанцированности друг от друга до чрезмерной взаимозависимости, эмоциональной вовлеченности. Семейная адаптация характеризует ригидность или гибкость в управлении семейной системой, способность изменять распределение ролей, власти, правила и нормы при воздействии стрессоров. В более позднем исследовании появляется третий параметр – коммуникация или навыки семейного общения [27].

Семейное самоопределение, выполняя ряд функций, связанных с ориентацией в семейных ролях и межличностных отношениях в брачно-семейной сфере, ценностно-смысловой навигацией, целеполаганием, экзистенциальной наполненностью и мотивацией, задает временную перспективу и обеспечивает регуляцию брачно-семейного поведения молодежи. Анализ векторов формирования семейного самоопределения в зависимости от уровня семейной адаптации родительской семьи позволит лучше понять возможные психологические трансформации детско-родительских отношений в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации.

Методология, материалы и методы

Методологической основой исследования являются культурно-историческая теория развития психики Л. С. Выготского [28]; концепция экологических систем U. Bronfenbrenner [12], G. Johnson; K. Puplampu [11]), социально-когнитивная концепция цифровой социализации Г. У. Солдатовой и А. Е. Войскунского [8], теория семейного самоопределения С. В. Мерзляковой [25], «циркулярная модель» D. H. Olson [26; 27].

Теоретический анализ исследований по проблеме брачно-семейного поведения студенческой молодежи в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации проводился на основе опубликованных научных работ из международных баз данных Web of Science Core Collection и Scopus, российском индексе научного цитирования (РИНЦ). Анализировались научные работы за период с 2015 по 2023 годы.

Эмпирическое исследование проводилось в 2022 году на базе Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева. При формировании выборочной совокупности участников исследования учитывались статус студента очной формы обучения и год рождения не ранее 1995 г. В исследовании приняли участие 312 респондентов в возрасте от 17 до 25 лет. Из них 138 (44,2 %) юношей и 174 (55,8 %) девушек. В зависимости от направления подготовки распределение следующее:

37.03.01 Психология. По профилю «Психологическое консультирование» – 10 чел. (3,2 %);

39.03.01 Социология. По профилю «Прикладные методы социологического исследования» – 54 чел. (17,3 %);

44.03.02 Психолого-педагогическое образование. По профилям «Психология образования» – 52 чел. (16,7 %); «Психология и социальная педагогика» – 11 чел. (3,5 %);

44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). По профилю «Иностранный язык (английский) и иностранный язык» – 15 чел. (4,8 %); «Иностранный язык (турецкий) и иностранный язык» – 18 чел. (5,8 %); «Иностранный язык (французский) и иностранный язык» – 15 чел. (4,8 %); «История и Иностранный язык (английский)» – 21 чел. (6,7 %); «История и Обществознание» – 57 чел. (18,3 %); «Культурологическое образование и Иностранный язык (английский)» – 14 чел. (4,5 %); «Начальное образование. Дополнительное образование (хореография и театр)» – 6 чел. (1,9 %); «Русский язык и Литература» – 10 чел. (3,2 %); «Технология (пошив и дизайн одежды). Иностранный язык» – 6 чел. (1,9 %); «Физическая культура. Дополнительное образование (спортивная подготовка)» – 23 чел. (7,4 %).

Сбор данных осуществлялся на добровольной основе.

С целью определения уровня семейной адаптации мы использовали опросник «Шкала семейной адаптации и сплоченности», созданный Д. Олсоном, Д. Портнером и И. Лави в 1985 г., в адаптации А. Г. Лидерса [29]. В контексте представленного исследования для нас представляют интерес выделенные уровни семейной адаптации. Респондентам предлагалось оценить утверждения из списка, используя пятибалльную шкалу: 1 – почти никогда, 2 – редко, 3 – время от времени, 4 – часто, 5 – почти всегда. В рамках циркулярной модели Д. Олсона в зависимости от степени пластичности руководства семейной системой различают 4 уровня, используя границы значений:

1) ригидный характеризуется жесткостью системы, единоличным главенством, иерархической системой управления (10–19 баллов);

2) структурированный – нарастанием в управлении демократических тенденций, установлением ролевой структуры и системы правил с учетом мнения членов семьи (20–24 балла);

3) гибкий – демократическим стилем руководства, равноправием, эгалитарностью, легкостью в изменении семейных ролей, обязанностей, правил в соответствии с возникновением новых задач и функций в семье (25–28 баллов);

4) хаотичный – неустойчивым руководством, неопределенностью ролевой структуры, отсутствием чёткости в распределении ответственности и обязанностей между членами семьи (29–50 баллов).

Для диагностики показателей семейного самоопределения студентов использовались модифицированный вариант методики семантического дифференциала в пакете методик психосемантической диагностики скрытой мотивации, разработанного И. Л. Соломиным¹, оригинальные методики «Уровень соотношения „ценности“ и „доступности“ в различных жизненных сферах» Е. Б. Фанталовой [30], «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева², проективная методика «Незаконченные предложения» [29], опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой [29].

Для обработки полученных данных использовались математико-статистические методы: критерий Колмогорова-Смирнова для одной выборки, критерий Краскала – Уоллеса (H), регрессионный анализ. Расчеты выполнялись на базе статистических программ IBM SPSS Statistics 21.

Результаты исследования

Для проверки гипотезы исследования были построены парные регрессионные модели. Воздействием предиктора семейная адаптация в когнитивном компоненте семейного самоопределения определяют 2,7 % дисперсии переменной «Я – сын/дочь» (степенная модель: $F = 8,608$ при $p = 0,004$).

Как показывают результаты регрессионного анализа семейная адаптация детерминирует особенности развития таких элементов ценностно-эмоционального компонента семейного самоопределения, как родительская семья (степенная модель: $F = 22,303$ при $p < 0,001$, $R^2 = 0,067$), моя мама (логарифмическая модель: $F = 10,067$ при $p = 0,002$, $R^2 = 0,032$), мой отец (степенная модель: $F = 8,708$ при $p = 0,003$, $R^2 = 0,028$), ценность свободы (порядковая регрессия: $\chi^2 = 4,905$ при $p = 0,027$, $R^2 = 0,016$), Мы – семья (порядковая регрессия: $\chi^2 = 8,51$ при $p = 0,004$, $R^2 = 0,031$), положение личности в структуре семьи (порядковая регрессия: $\chi^2 = 6,884$ при $p = 0,009$, $R^2 = 0,025$), отношение к будущему брачному партнеру (порядковая регрессия: $\chi^2 = 4,195$ при $p = 0,041$, $R^2 = 0,015$), результа-

¹ Соломин И. Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации: методическое руководство. Санкт-Петербург: ГМНПП «Иматон», 2001. 112 с.

² Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). Москва: Смысл, 2000. 18 с.

тивность жизни (степенная модель: $F = 4,895$ при $p = 0,028$, $R^2 = 0,016$). Согласно значениям дисперсии откликов семейная адаптация в большей степени оказывает влияние на формирование таких ценностей брачно-семейных отношений, как родительская семья (6,7 %), положительное отношение к собственной семье (3,1 %), значимость фигур мамы (3,2 %) и отца (2,8 %). Согласно данным таблицы 1, предиктор семейная адаптация вносит существенный вклад в объяснение дисперсии откликов, являющихся содержательными характеристиками семейного самоопределения.

Таблица 1

Коэффициенты регрессионной модели семейной адаптации как предиктора семейного самоопределения студентов на уровне статистической значимости

Table 1

Coefficients of regression model of family adaptation as a predictor of students' family self-determination at the level of statistical significance

Зависимые переменные <i>Dependent variables</i>	Коэффициенты <i>Coefficients</i>	1		2	t / Вальда <i>t / Test Wald</i>	p
		B	SH _B	Бета <i>Beta</i>		
Когнитивный компонент <i>Cognitive component</i>						
Я – сын / Я – дочь <i>I am a son / I am a daughter</i>	b	0,18	0,061	0,165	2,934	0,004
	Константа <i>Constant</i>	2,89	0,6		4,82	0,000
Ценностно-эмоциональный компонент <i>Valuable and emotional component</i>						
Родительская семья <i>Parental family</i>	b	0,27	0,057	0,259	4,723	0,000
	Константа <i>Constant</i>	2,259	0,437		5,175	0,000
Моя мама <i>My mother</i>	b	0,981	0,309	0,178	3,173	0,002
	Константа <i>Constant</i>	2,634	1,043		2,525	0,012
Мой отец <i>My father</i>	b	0,288	0,098	0,166	2,951	0,003
	Константа <i>Constant</i>	1,841	0,607		3,033	0,003
Ценность свободы <i>Freedom value</i>		0,038	0,017		4,868	0,027
Мы – семья (отношение к собственной семье) <i>We are a family (attitude towards own family)</i>		0,057	0,019		9,347	0,002
Положение личности в структуре семьи <i>Position of the personality in the family's structure</i>		0,05	0,018		7,432	0,006
Отношение к будущему брачному партнеру <i>Attitude towards future marriage partner</i>		0,038	0,018		4,324	0,038

Результативность жизни <i>Effectiveness of life</i>	b	0,154	0,07	0,126	2,213	0,028
	Константа <i>Constant</i>	14,658	3,443		4,258	0,000
Регулятивно-поведенческий компонент <i>Regulatory and behavioural component</i>						
Мое настоящее <i>My present</i>	b	0,993	0,002	0,849	398,495	0,000
	Константа <i>Constant</i>	0,248	0,019		13,185	0,000
Доступность активной деятельной жизни <i>Availability of active life</i>		-0,034	0,017		4,04	0,044
Роль ожидания в хозяйственно-бытовой сфере <i>Role expectations in household sphere</i>	b	1,324	0,668	0,174	1,982	0,05
	Константа <i>Constant</i>	1,545	2,269		0,681	0,497
Мотивационный компонент <i>Motivational component</i>						
Достижение успеха <i>Achievement of success</i>	b	0,656	0,257	0,144	2,551	0,011
	Константа <i>Constant</i>	3,595	0,868		4,141	0,000
Месть <i>Revenge</i>	b ₁	-0,233	0,086	-0,945	-2,717	0,007
	b ₂	0,004	0,001	0,881	2,534	0,012
	Константа <i>Constant</i>	6,69	1,299		5,149	0,000
Рефлексивный компонент <i>Reflexive component</i>						
Локус контроля – жизнь <i>Locus of control-life</i>	b	0,245	0,067	0,208	3,69	0,000
	Константа <i>Constant</i>	12,549	2,817		4,454	0,000

Примечание: 1 – нестандартизованные коэффициенты, 2 – стандартизованные коэффициенты, SH_B – стандартная ошибка, p – уровень значимости.

Note: 1 – non-standardised coefficients, 2 – standardised coefficients, SH_B – standard error, p – significance level.

На формирование регулятивно-поведенческого компонента семейного самоопределения влияет семейная адаптация и определяет 2,7 % дисперсии переменной «мое настоящее» (логистическая модель: $F = 8,482$ при $p = 0,004$), 1,3 % дисперсии «доступность активной деятельной жизни» (порядковая регрессия: $\chi^2 = 4,183$ при $p = 0,041$), 3 % дисперсии «ролевые ожидания в хозяйственно-бытовой сфере» (логарифмическая модель: $F = 3,927$ при $p = 0,05$). Отрицательный коэффициент в уравнении регрессии для зависимой переменной «доступность активной деятельной жизни» свидетельствует о наличии обратной связи между семейной адаптацией и указанным элементом.

Семейная адаптация вносит вклад в развитие мотивационного компонента семейного самоопределения: достижение успеха (логарифмическая модель: $F = 6,509$ при $p = 0,011$, $R^2 = 0,021$), месть (квадратичное уравнение: $F = 4,094$ при

$p = 0,018$, $R^2 = 0,026$). Представленные в табл. 1 отрицательные коэффициенты в уравнении регрессии для зависимой переменной «месть» свидетельствуют о наличии обратной связи между семейной адаптацией и данным брачным мотивом. Можно предположить, что вероятность заключения брака из непродуктивного чувства мести бывшему партнеру или родителям возрастает при ригидном уровне семейной адаптации.

В рефлексивном компоненте семейного самоопределения семейная адаптация определяет 4,3 % дисперсии переменной «локус контроля – жизнь» (степенная модель: $F = 13,615$ при $p < 0,01$).

В рамках решения второй задачи представленного исследования была оценена достоверность различий в содержательно-структурных характеристиках семейного самоопределения в зависимости от уровня семейной адаптации. Полученные в ходе исследования результаты опросника «Шкала семейной адаптации и сплоченности» (FACES-3) демонстрируют нам, что 3,8 % (12 чел.) имеют ригидный, 13,1 % (41 чел.) – структурированный, 25,6 % (80 чел.) – гибкий, 57,4 % (179 чел.) – хаотичный уровень семейной адаптации родительской семьи. Таким образом, явное преобладание имеет хаотичный стиль. Для него свойственны неустойчивость руководства, импульсивность решений, неясность ролей, непредсказуемость.

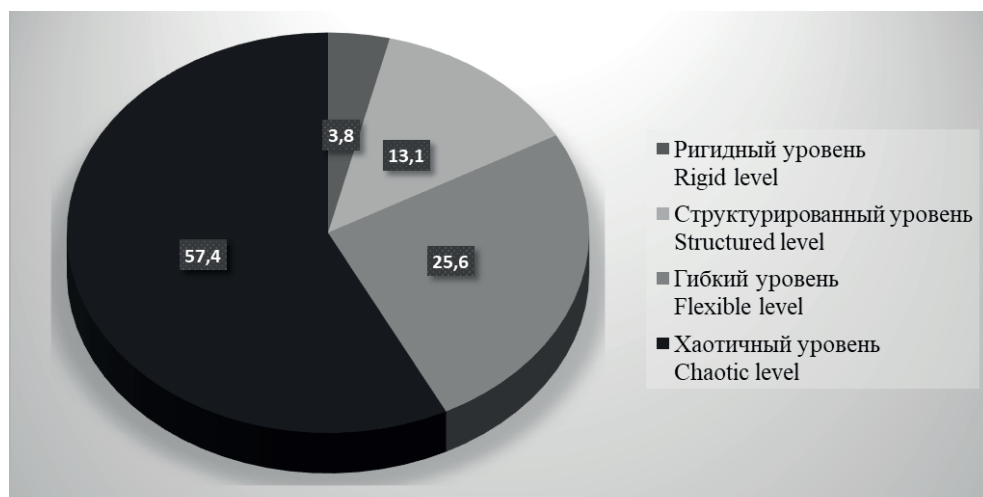

Рис. 1. Результаты диагностики уровня семейной адаптации у студентов, %

Fig. 1. Results of diagnostics of the level of family adaptation among students, %

Далее, используя критерий Краскела – Уоллеса (H) мы провели сравнительный анализ значимости показателей семейного самоопределения студенческой молодежи в зависимости от уровня семейной адаптации, так как распределение зависимых переменных значимо отличается от нормального

закона. Из табл. 2 видно, что в когнитивном компоненте семейного самоопределения студентов выявлены достоверные различия в зависимости от уровня семейной адаптации для переменной «Я – сын / Я – дочь». Согласно значениям описательных статистик наибольшую ценность рассматриваемый параметр имеет для студентов с гибким уровнем семейной адаптации.

Таблица 2
Достоверные различия в показателях семейного самоопределения студентов
в зависимости от уровня семейной адаптации

Table 2
Significant differences in the indicators of students' family self-determination
depending on the level of family adaptation

Структурно-содержательные характеристики семейного самоопределения <i>Structural and content characteristics of family self-determination</i>	Среднее значение (стандартное отклонение) <i>Mean (standard deviation)</i>				Значение критерия <i>Value of criterion</i>	Уровень значимости <i>Significance level</i>
	1 n = 12	2 n = 41	3 n = 80	4 n = 179		
Когнитивный компонент <i>Cognitive component</i>						
Я – сын / Я – дочь <i>I am a son / I am a daughter</i>	4,47 (1,13)	5,28 (1,33)	5,59 (1,04)	5,46 (1,09)	H = 9,727	0,021
Ценностно-эмоциональный компонент <i>Valuable and emotional component</i>						
Родительская семья <i>Parental family</i>	4,53 (1,39)	5,45 (1,23)	5,79 (1,03)	5,86 (1,04)	H = 13,354	0,004
Моя мама <i>My mother</i>	5,04 (1,54)	5,65 (1,16)	6,06 (1,05)	6,01 (1,14)	H = 8,909	0,031
Мой отец <i>My father</i>	4,11 (1,37)	4,85 (1,47)	5,11 (1,51)	5,27 (1,39)	H = 8,302	0,04
Мы – семья (отношение к собственной семье) <i>We are a family (attitude towards own family)</i>	3,09 (2,43)	4,08 (2,32)	4,12 (2,12)	4,64 (2,09)	H = 8,479	0,037
Отношение к себе <i>Attitude towards themselves</i>	3,45 (2,62)	2,22 (1,79)	3,35 (2,23)	3,42 (2,34)	H = 9,785	0,02
Отношение к отцу <i>Attitude towards father</i>	2 (2,89)	0,69 (3,73)	2,48 (3,49)	2,93 (3,02)	H = 12,662	0,005
Цели в жизни <i>Purposes in life</i>	27,5 (7,24)	30,85 (7,46)	32,76 (6,64)	31,26 (5,91)	H = 7,949	0,047
Общий показатель осмысленности жизни <i>General indicator of meaningfulness of life</i>	85,64 (20,44)	95,09 (23,61)	101,82 (17,04)	101,87 (16,33)	H = 8,622	0,035
Регулятивно-поведенческий компонент <i>Regulatory and behavioural component</i>						
Главенство и ответственность в семье <i>Primacy and responsibility in the family</i>	3,27 (1,1)	3,64 (2,1)	4,43 (1,99)	4,38 (2)	H = 8,927	0,03

Рефлексивный компонент <i>Reflexive component</i>						
Уверенность в себе <i>Self-confidence</i>	4,67 (2,87)	4,83 (2,47)	6,11 (2,72)	5,61 (2,64)	H = 8,2	0,042
Локус контроля – Я <i>Locus of control – I</i>	17,67 (3,39)	20 (5,15)	21,47 (4,02)	20,74 (4,07)	H = 9,921	0,019
Локус контроля – жизнь <i>Locus of control – life</i>	24,09 (5,5)	26,8 (8,59)	29,79 (5,92)	30,35 (6,35)	H = 14,277	0,003

Примечание: 1 – ригидный уровень; 2 – структурный уровень; 3 – гибкий уровень; 4 – хаотичный уровень, n – объем выборки, критическое значение критерия $\chi^2 = 7,815$ ($p = 0,05$).

Note: 1 – rigid level; 2 – structured level; 3 – flexible level; 4 – chaotic level, n – sample size, the critical value of the criterion $\chi^2 = 7,815$ ($p = 0,05$).

В ценностно-эмоциональном компоненте семейного самоопределения достоверные различия установлены для таких элементов, как родительская семья, моя мама, мой отец, Мы – семья, отношение к себе, отцу, цели и осмысленность жизни. Значения дескриптивных статистик свидетельствуют о том, что студенты со структурным уровнем семейной адаптации отличаются менее положительным отношением к себе и отцу по сравнению с их сверстниками. Для студентов с гибким уровнем семейной адаптации характерны целеустремленность и высокий показатель осмысленности жизни. При хаотичном уровне адаптации у студентов наблюдается более высокая ценность родительской семьи, взаимоотношений с мамой и отцом, положительное отношение к собственной семье и отцу.

Обнаружена связь адаптации родительской семьи с регулятивно-поведенческим компонентом семейного самоопределения респондентов. Студенты с гибким уровнем семейной адаптации отличаются более положительным отношением к главенству и ответственности в семье.

В содержании рефлексивного компонента семейного самоопределения в зависимости от уровня семейной адаптации установлены различия на уровне статистической значимости для таких элементов, как уверенность в себе, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь. Соотношение описательных статистик указывают на то, что при гибком уровне адаптации наблюдаются более высокие показатели уверенности в себе, локуса контроля – Я. Для студентов с хаотичным уровнем семейной адаптации характерны наибольшие значения локуса контроля – жизнь.

Итак, в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации степень пластичности в управлении семейной системой (адаптация) детерминирует особенности семейного самоопределения современных студентов.

Обсуждение

Для прогнозирования брачно-семейного поведения и особенностей репродуктивно-демографического процесса у представителей цифрового поколения необходимо учитывать структуру и социально-психологические де-

терминанты семейного самоопределения студенческой молодежи. В условиях цифровой социализации существует тенденция нарастания дефицитарности межпоколенной трансмиссии культуры, возникновения проблем между поколениями. Ключевым является вопрос о том, какую роль играет семья как важнейший агент в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации в процессе семейного самоопределения на этапе вхождения во взрослость.

Согласно концепции экологических систем U. Bronfenbrenner семья является элементом микросистемы, представляющей ближайший к человеку уровень окружающей среды, которая служит основным источником воздействия на развивающихся людей [12]. Результаты, представленные в настоящей статье, согласуются с данными исследования О. А. Карабановой, О. В. Трофимовой [20] и эмпирически подтверждают теоретическое положение концепции экологических систем U. Bronfenbrenner о влиянии родительской семьи на процесс самоопределения взрослеющего человека, в частности в сфере брачно-семейных отношений.

В представленном исследовании с помощью регрессионного анализа доказано, что характер ролевой структуры родительской семьи является фактором мезоуровня, детерминирующим процесс семейного самоопределения студентов цифрового поколения. Установлено, что семейная адаптация в наибольшей степени оказывает влияние на развитие ценностно-эмоционального компонента семейного самоопределения студенческой молодежи. На данном этапе возрастного развития высокая степень пластичности руководства в родительской семье способствует формированию значимости семейных ценностей (родительская семья, ценность свободы), фигур мамы и отца, положительного отношения к собственной семье, положению личности в структуре семьи, будущему брачному партнеру, ощущения продуктивности жизни. Мы предполагаем, что на возрастном этапе вхождения во взрослость неустойчивый стиль руководства, недостаточная структурированность в отношении распределения ролей в родительской семье опосредствует процесс психологической сепарации студентов от родителей, трансформацию детско-родительских отношений в направлении автономии, самостоятельности и сотрудничества, сохраняя при этом потребность в поддержке и взаимопонимании с родителями, способствует формированию готовности к браку и семейной жизни. Это согласуется с данными исследования О. А. Карабановой, О. В. Трофимовой [20] о том, что характер детско-родительских взаимоотношений обуславливает механизм трансляции моделей семейного взаимодействия, определяет эмоционально-положительное отношение молодежи к родительской семье и содержание представлений о собственной семье в будущем.

Полученные результаты дополняют ранее проведенное нами исследование, в котором установлено, что на развитие семейного самоопределения студентов значимое влияние оказывают тип структуры родительской семьи, уровень семейной сплоченности [25]. В представленном в данной статье эм-

пирическом исследовании нам удалось зафиксировать и проанализировать различия в показателях семейного самоопределения в зависимости от уровня семейной адаптации. При структурном уровне, когда ролевая структура родительской семьи определена четко и внутрисемейные правила постоянны, у студентов наблюдаются наиболее низкие показатели эмоционально-положительного отношения к себе и своему отцу по сравнению с их сверстниками. Демократический стиль руководства семейной системой, гибкая и эффективная ролевая структура родительской семьи, которые характеризуют гибкий уровень семейной адаптации, способствуют формированию высокой ценности роли Я – сын/дочь, целеустремленности, осмысленности бытия, эмоционально-положительного отношения к главенству и ответственности в семье, уверенности в себе, представлений о себе как о сильной личности, способной контролировать свою жизнь. У студентов с хаотичным уровнем семейной адаптации, который характеризуется импульсивными решениями членов семьи, нечеткостью в распределении семейных ролей, наблюдаются высокая ценность родительской семьи, взаимоотношений с мамой и отцом, эмоционально-положительное отношение к собственной семье, убежденность в способности управлять своей жизнью.

Отметим, что положительный коэффициент в уравнении регрессии свидетельствует о том, что высокие показатели семейной адаптации родительской семьи, соответствующие хаотичному уровню, формируют у студентов ролевые ожидания в хозяйственно-бытовой сфере. Следовательно, студенты, в родительской семье которых недостаточная структурированность в распределении власти, ролей и обязанностей, возможно, будут предъявлять завышенные требования к брачному партнеру в реализации хозяйственно-бытовой функции семьи. Отрицательный коэффициент в уравнении регрессии означает, что при хаотичном уровне семейной адаптации родительской семьи у студентов снижается доступность активной деятельной жизни. При ригидном уровне семейной адаптации у студентов наблюдаются низкая значимость роли Я – сын/дочь, семейных ценностей (родительская семья, взаимоотношение с родителями, ценность свободы), брачно-семейных отношений (к собственной семье, положению личности в структуре семьи, будущему брачному партнеру), смысловых ориентаций (результативность, локус контроля – жизнь), представлений о настоящем, доступность активной деятельной жизни, возрастает вероятность вступления в брак из чувства мести. В условиях цифровой социализации в процессе семейного самоопределения у студентов при экстремальных уровнях семейной адаптации, к которым относятся ригидный и хаотичный, наблюдаются негативные тенденции. Таким образом, наиболее функциональным для развития семейного самоопределения у студентов цифрового поколения является гибкий уровень семейной адаптации. Полученные результаты эмпирически подтверждают положение о необходимости соблюдать баланс в аспекте пластичности в управлении семейной системой, распределении ролей и правил, регулирующих поведение членов семьи, расширяют

возможность использования циркулярной модели D. H. Olson [26] для диагностики и последующей коррекции детско-родительских отношений.

Таким образом, важность представленного в статье исследования заключаются в том, что полученные результаты способствуют пониманию роли родительской семьи в процессе семейного самоопределения студентов цифрового поколения. В условиях цифровой социализации степень гибкости в управлении семейной системой определяет особенности структурно-содержательных характеристик семейного самоопределения студенческой молодежи.

Заключение

Полученные результаты представляют ответ на исследовательский вопрос о том, как влияют особенности семейного контекста, отражаемые в уровне семейной адаптации, на формирование семейного самоопределения студентов в условиях цифровой социализации.

В результате организованного и проведенного эмпирического исследования подтверждена гипотеза о том, что уровень семейной адаптации родительской семьи обуславливает семейное самоопределение студенческой молодежи. Установлено, что в родительских семьях преобладает хаотический тип семейной адаптации, для которого свойственны неустойчивость руководства, импульсивность решений, нечеткое распределением ролей, непредсказуемость. При хаотическом уровне семейной адаптации у студентов формируются ценность родительской семьи, значимость фигур мамы и отца, эмоционально-положительное отношение к собственной семье, способность управлять своей жизнью. Для студентов со структурным уровнем семейной адаптации характерно менее положительное отношение к себе и отцу по сравнению с другими респондентами. Гибкий уровень семейной адаптации является наиболее функциональным при становлении семейного самоопределения студентов цифрового поколения, способствует развитию ценности роли Я – сын/дочь, целеустремленности, осмысленности жизни, эмоционально-положительного отношения к главенству и ответственности в семье, уверенности в себе, внутреннего локуса контроля. При экстремальных уровнях семейной адаптации наблюдаются негативные тенденции в процессе семейного самоопределения. Так, студенты с ригидным уровнем адаптации отличаются от своих сверстников более низкой значимостью роли Я – сын/дочь, ценностей брачно-семейных отношений, смысложизненных ориентаций, неуверенностью в себе. При хаотичном уровне семейной адаптации родительской семьи у студентов формируются завышенные требования к брачному партнеру в хозяйственно-бытовой сфере, снижается доступность активной деятельной жизни.

Полученные нами результаты имеют принципиальное значение для понимания роли родительской семьи в процессе семейного самоопределения студентов в условиях взаимодействия традиционной и цифровой социализации. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разрабатываемая нами концепция семейного самоопределения [25] дополнена иссле-

дованием такого фактора мезоуровня, как семейная адаптация родительской семьи. Практическая ценность эмпирических данных состоит в возможности активно использовать ресурсы родительской семьи при воспитании традиционных семейных ценностей, подготовке студентов цифрового поколения к браку и семейной жизни. Прикладной аспект исследуемой проблемы семейного самоопределения студентов в зависимости от уровня семейной адаптации может быть реализован в рамках деятельности Психологической службы вуза при оказании помощи в области добрачного и семейного консультирования для разрешения межпоколенческих проблем, предотвращения возникновения дисфункционального брака в будущем.

Список использованных источников

1. Vundamati R. Right to marry and found family: a most challenged human right in post modern era // *Indian Journal of International Law*. 2021. № 59. P. 229–255. DOI: 10.1007/s40901-020-00119-8
2. Bloome D., Ang S. Marriage and union formation in the United States: Recent trends across racial groups and economic backgrounds // *Demography*. 2020. № 5 (57). P. 1753–1786. DOI: 10.1007/s13524-020-00910-7
3. Вишнеvский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // *Образование и наука*. 2018. № 5 (20). С. 125–141. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141
4. Djundeva M., Dykstra P. A., Emery T. Family dynamics in China and Europe in the last half-century // *Chinese Journal of Sociology*. 2019. № 2 (5). P. 143–172. DOI: 10.1177/2057150X19836368
5. Wei-Jun Jean Yeung, Shu Hu. Paradox in marriage values and behavior in contemporary China // *Chinese Journal of Sociology*. 2016. № 3 (2). P. 447–476 DOI: 10.1177/2057150X16659019
6. Jia Yu. Union formation and childbearing among Chinese youth: Trends and socioeconomic differentials // *Chinese Journal of Sociology*. 2021. № 4 (7). P. 593–618. DOI: 10.1177/2057150X211040936
7. Солдатов Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // *Социальная психология и общество*. 2018. № 3 (9). С. 71 – 80. DOI: 10.17759/ sps.2018090308
8. Солдатов Г. У., Войскунский А. Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 3 (18). С. 431–450. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
9. Солдатов Г. У., Рассказова Е. И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // *Культурно-историческая психология*. 2020. № 4 (16). С. 87–97. DOI: 10.17759/chp.2020160409
10. Рубцова О. В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // *Культурно-историческая психология*. 2019. № 3 (15). С. 117–124. DOI: 10.17759/chp.2019150312
11. Johnson G., Pupilampu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // *Canadian Journal of Learning and Technology*. 2008. № 34. P. 19–28. Available from: https://www.researchgate.net/publication/285118629_A_conceptual_framework_for_understanding_the_effect_of_the_Internet_on_child_development_The_ecological_techno-subsystem (date of access: 17.01.2024).
12. Bronfenbrenner U. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004. 336 p.
13. Scull T. M., Dodson C. V., Geller J. G. et al. A media literacy education approach to high school sexual health education: Immediate effects of media aware on adolescents' media, sexual health, and

communication outcomes // *Journal of Youth and Adolescence*. 2022. № 51. P. 708–723. DOI: 10.1007/s10964-021-01567-0

14. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // *Культурно-историческая психология*. 2022. № 4 (18). С. 27–37. DOI: 10.17759/chp.2022180403

15. Рубцова О. В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть вторая) // *Культурно-историческая психология*. 2019. № 4 (15). С. 100–108. DOI: 10.17759/chp.2019150410

16. Cui L., Li Z. The influence of family function on online prosocial behaviors of high school students: A moderated chained mediation model // *Frontiers in Psychology*. 2023. № 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1103897

17. Stewart P., Shah H., Diop K. Marriage as a factor in self-determination for West African women // *Journal of African American Studies*. 2022. № 26. P. 183–202 DOI: 10.1007/s12111-022-09580-8

18. Jiashu X., Airan L. Family life and Chinese adults' happiness across the life span // *Chinese Journal of Sociology*. 2021. № 4 (7). P. 514–534 DOI: 10.1177/2057150X211045484

19. Liu F., Ren Z., Chong E. S. K. On the link between reciprocal/authoritarian filial piety and internalized homonegativity: Perceived pressure to get married in a heterosexual marriage as a mediator // *Archives of Sexual Behavior*. 2023. № 52. P. 957–970. DOI: 10.1007/s10508-022-02528-9

20. Карабанова О. А., Трофимова О. В. Роль родительской семьи в формировании образа будущей семьи [Электрон. ресурс] // *Современная российская семья: психологические проблемы и пути их решения: монография*. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2013. 110 с. Режим доступа: <https://biblio.asu.edu.ru/reader/book/2014033116215719556100003146> (дата обращения: 17.01.2024).

21. Москвичева Н. Л., Реан А. А., Костромина С. Н., Гришина Н. В., Зиновьева Е. В. Жизненные модели молодых людей: представления о будущей семье и модели, транслируемой родителями // *Психологическая наука и образование*. 2019. № 3 (24). С. 5–18. DOI: 10.17759/pse.2019240301

22. Biglan A., Elfner K., Garbacz S. A., Komro K., Prinz R. J., Weist M. D., Wilson D. K., Zarling A. A. Strategic plan for strengthening America's families: A brief from the cCoalition of behavioral science organizations // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2020. № 23. P. 153–175. DOI: 10.1007/s10567-020-00318-0

23. Shamblen S. R., Gluck A., Wubbenhorst W., Collins D. A. The economic benefits of marriage and family strengthening programs // *Journal of Family and Economic Issues*. 2018. № 39. P. 386–404. DOI: 10.1007/s10834-018-9565-8

24. Goldfarb E. S., Lieberman L. D. Three decades of research: The case for comprehensive sex education // *Journal of Adolescent Health*. 2021. Vol. 68, № 1. P. 13–27. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2020.07.036

25. Мерзлякова С. В. Семейное самоопределение молодежи: структура и детерминанты: монография. Астрахань: Color, 2019. 149 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44646343> (дата обращения: 24.04.2023).

26. Olson D. H., Sprenkle D. H., Russell C. S. Circumplex model of marital and family system: I. Cohesion and adaptability dimensions, family types, and clinical applications // *Family Process*. 1979. № 1 (18). P. 3–28. DOI: 10.1111/j.1545-5300.1979.00003.x

27. Olson D. H., Waldvogel L., Schlieff M. Circumplex model of marital and family systems: An update // *Journal of Family Theory & Review*. 2019. № 2 (11). P. 199–211. DOI: 10.1111/jftr.12331

28. Выготский Л. С. Психология развития человека. Москва: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с. Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/vygotskiy-lev-psihologiya-razvitiya-cheloveka_f7dcd06c79b.html (дата обращения: 24.04.2023).

29. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие – практикум. Москва: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2015. 546 с. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008063314> (дата обращения: 24.04.2023).

30. Фанталова Е. Б. Ценности и внутренние конфликты: теория, методология, диагностика: монография. Москва: Директ-Медиа, 2015. 137 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23914959> (дата обращения: 24.04.2023).

References

1. Vundamati R. Right to marry and found family: A most challenged human right in post modern era. *Indian Journal of International Law*. 2021; 59: 229–255. DOI: 10.1007/s40901-020-00119-8
2. Bloome D., Ang S. Marriage and union formation in the United States: Recent trends across racial groups and economic backgrounds. *Demography*. 2020; 57 (5): 1753–1786. DOI: 10.1007/s13524-020-00910-7
3. Vishnevsky Yu. R., Yachmeneva M. V. The attitude of student youth to family values (case study of the Sverdlovsk region). *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018; 20 (5): 125–141. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141 (In Russ.)
4. Djundeva M., Dykstra P. A., Emery T. Family dynamics in China and Europe in the last half-century. *Chinese Journal of Sociology*. 2019; 5 (2): 143–172. DOI: 10.1177/2057150X19836368
5. Wei-Jun Jean Yeung, Shu Hu. Paradox in marriage values and behavior in contemporary China. *Chinese Journal of Sociology*. 2016; 2 (3): 447–476. DOI: 10.1177/2057150X16659019
6. Jia Yu. Union formation and childbearing among Chinese youth: Trends and socioeconomic differentials. *Chinese Journal of Sociology*. 2021; 7 (4): 593–618. DOI: 10.1177/2057150X211040936
7. Soldatova G. U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: A changing child in a changing world. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. 2018; 9 (3): 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308 (In Russ.)
8. Soldatova G. U., Voiskounskaya A. E. Socio-cognitive concept of digital socialization: A new ecosystem and social evolution of the mind. *Psixologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2021; 18 (3): 431–450. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.)
9. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Digital transition outcomes: From online reality to mixed reality. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2020; 16 (4): 87–97. DOI: 10.17759/chp.2020160409 (In Russ.)
10. Rubtsova O. V. Digital media as a new means of mediation (Part one). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2019; 15 (3): 117–124. DOI: 10.17759/chp.2019150312 (In Russ.)
11. Johnson G., Puplampu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem. *Canadian Journal of Learning and Technology* [Internet]. 2008 [cited 2024 Jan 17]; 34: 19–28. Available from: https://www.researchgate.net/publication/285118629_A_conceptual_framework_for_understanding_the_effect_of_the_Internet_on_child_development_The_ecological_techno-subsystem
12. Bronfenbrenner U. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2004. 336 p.
13. Scull T. M., Dodson C. V., Geller J. G., et al. A media literacy education approach to high school sexual health education: Immediate effects of media aware on adolescents' media, sexual health, and communication outcomes. *Journal of Youth and Adolescence*. 2022; 51: 708–723. DOI: 10.1007/s10964-021-01567-0
14. Soldatova G. U., Chigarkova S. V., Ilyukhina S. N. Real self and virtual self: Identity matrices of adolescents and adults. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2022; 18 (4): 27–37. DOI: 10.17759/chp.2022180403

15. Rubtsova O. V. Digital media as a new means of mediation (Part two). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2019; 15 (4): 100–108. DOI: 10.17759/chp.2019150410 (In Russ.)
16. Cui L., Li Z. The influence of family function on online prosocial behaviors of high school students: A moderated chained mediation model. *Frontiers in Psychology*. 2023; 14. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1103897
17. Stewart P., Shah H., Diop K. Marriage as a factor in self-determination for West African women. *Journal of African American Studies*. 2022; 26: 183–202. DOI: 10.1007/s12111-022-09580-8
18. Jiashu X., Airan L. Family life and Chinese adults' happiness across the life span. *Chinese Journal of Sociology*. 2021; 7 (4): 514–534. DOI: 10.1177/2057150X211045484
19. Liu F., Ren Z., Chong E. S. K. On the link between reciprocal/authoritarian filial piety and internalized homonegativity: Perceived pressure to get married in a heterosexual marriage as a mediator. *Archives of Sexual Behavior*. 2023. DOI: 10.1007/s10508-022-02528-9
20. Karabanova O. A., Trofimova O. V. Rol' roditel'skoj sem'i v formirovanii obraza budushhej sem'i = The role of parental family in the formation of future family image. In: *Sovremennaja rossijskaja sem'ja: psihologicheskie problemy i puti ih reshenija = Modern Russian family: Psychological problems and their solutions*. Astrakhan: Astrakhan University; 2013. 110 p. (In Russ.)
21. Moskvicheva N. L., Rean A. A., Kostromina S. N., Grishina N. V., Zinovieva E. V. Life models in young people: Ideas of future family and impacts of parental models. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2019; 24 (3): 5–18. DOI: 10.17759/pse.2019240301 (In Russ.)
22. Biglan A., Elfner K., Garbacz S. A., Komro K., Prinz R. J., Weist M. D., Wilson D. K., Zarling A. A. Strategic plan for strengthening America's families: A brief from the coalition of behavioral science organizations. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2020; 23: 153–175. DOI: 10.1007/s10567-020-00318-0
23. Shamblen S. R., Gluck A., Wubbenhorst W., Collins D. A. The economic benefits of marriage and family strengthening programs. *Journal of Family and Economic Issues*. 2018; 39: 386–404. DOI: 10.1007/s10834-018-9565-8
24. Goldfarb E. S., Lieberman L. D. Three decades of research: The case for comprehensive sex education. *Journal of Adolescent Health*. 2021; 68 (1): 13–27. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2020.07.036
25. Merzlyakova S. V. Semejnoe samoopredelenie molodezhi: struktura i determinanty = Family self-determination of young people: Structure and determinants [Internet]. Astrakhan: Publishing House Color; 2019 [cited 2023 Apr 24]. 149 p. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44646343> (In Russ.)
26. Olson D. H., Sprenkle D. H., Russell C. S. Circumplex model of marital and family system: I. Cohesion and adaptability dimensions, family types, and clinical applications. *Family Process*. 1979; 18 (1): 3–28. DOI: 10.1111/j.1545-5300.1979.00003.x
27. Olson D. H., Waldvogel L., Schlieff M. Circumplex model of marital and family systems: An update. *Journal of Family Theory & Review*. 2019; 11 (2): 199–211. DOI: 10.1111/jftr.12331
28. Vygotsky L. S. Psihologiya razvitiya cheloveka = Psychology of human development [Internet]. Moscow: Publishing House Smysl; Publishing House Eksmo; 2003 [cited 2023 Apr 24]. 1136 p. Available from: https://www.studmed.ru/view/vygotskiy-lev-psihologiya-razvitiya-cheloveka_f7dcd06c79b.html (In Russ.)
29. Lieders A. G. Psixologicheskoe obsledovanie sem'i = Psychological assessment of the family [Internet]. Moscow: Publishing House of Moscow Psychological-Social University; Voronezh: MODEK; 2015 [cited 2023 Apr 24]. 546 p. Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008063314> (In Russ.)
30. Fantalova E. B. Cennosti i vnutrennie konflikty: teoriya, metodologiya, diagnostika = Values and internal conflicts: Theory, methodology, diagnostics [Internet]. Moscow: Publishing House Direct-Media; 2015 [cited 2023 Apr 24]. 137 p. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23914959> (In Russ.)

Информация об авторах:

Мерзлякова Светлана Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева; ORCID 0000-0003-4707-4886, Scopus Author ID 57219916782, ResearcherID ABD-7562-2020; Астрахань, Россия. E-mail: svetym@yandex.ru

Каюмова Екатерина Павловна – аспирант кафедры психологии Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева; ORCID 0009-0005-1729-3561; Астрахань, Россия. E-mail: katty-695@mail.ru

Вклад соавторов:

С. В. Мерзлякова – научное руководство, анализ материала для теоретического обзора зарубежной и отечественной научной литературы, организация и координация эмпирического исследования, статистический анализ и интерпретация данных, подготовка рукописи.

Е. П. Каюмова – формирование выборки, сбор данных и их обработка с помощью психодиагностических методов.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.04.2023; поступила после рецензирования 28.01.2024; принята в печать 07.02.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Svetlana V. Merzlyakova – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Department of Psychology, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev; ORCID 0000-0003-4707-4886, Scopus Author ID 57219916782, ResearcherID ABD-7562-2020; Astrakhan, Russia. E-mail: svetym@yandex.ru

Ekaterina P. Kayumova – Postgraduate Student, Department of Psychology, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev; ORCID 0009-0005-1729-3561; Astrakhan, Russia. E-mail: katty-695@mail.ru

Contribution of the authors:

S. V. Merzlyakova provided scientific supervision, analysed material for the theoretical review of foreign and Russian scientific literature, participated in the organisation and coordination of the empirical study, performed statistical analysis and data interpretation, and prepared the manuscript.

E. P. Kayumova formed the sample, collected the data and processed the psychodiagnostic methods.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 23.04.2023; revised 28.01.2024; accepted for publication 07.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

Información sobre los autores:

Svetlana Vasílevna Merzliáкова: Candidata a Ciencias de la Psicología, Profesora Asociada, Profesora del Departamento de Psicología, Universidad Estatal de Astracán V. N. Tatishchev; ORCID 0000-0003-4707-4886, Scopus Author ID 57219916782, ResearcherID ABD-7562-2020; Astracán, Rusia. Correo electrónico: svetym@yandex.ru

Ekaterina Pávlovna Kayúmová: Estudiante de Aspirantura del Departamento de Psicología, Universidad Estatal de Astracán V. N. Tatishchev; ORCID 0009-0005-1729-3561; Astracán, Rusia. Correo electrónico: katty-695@mail.ru

Contribución de coautoría:

S. V. Merzliáková: orientación científica, análisis del material para la revisión teórica de la literatura científica nacional y extranjera, organización y coordinación de investigaciones empíricas, análisis estadístico e interpretación de los datos, preparación del manuscrito.

E. P. Kayúмова: muestreo, recogida y procesamiento de datos mediante técnicas de psicodiagnóstico.

Información sobre conflicto de intereses. Los autores declaran no tener conflictos de intereses.

El artículo fue recibido por los editores el 23/04/2023; recepción efectuada después de la revisión el 28/01/2024; aceptado para su publicación el 07/02/2024.

Los autores leyeron y aprobaron la versión final del manuscrito.